

Альберт Байбурин

Некоторые общие соображения о фольклоре и фольклористике с антропологической точки зрения

В этой статье нет ничего нового. Все излагаемые факты хорошо известны даже начинающему фольклористу. И все же, мне кажется, иногда полезно вернуться к хорошо известному для того, чтобы сориентироваться и попытаться сделать хотя бы небольшой шаг в направлении к менее известному.

Пожалуй, в очень немногих европейских культурных традициях фольклору придается такое значение как в русской культуре. И сейчас к фольклору начинают приобщать детей с детского сада, его преподают в школах и в институтах, существуют центры по изучению фольклора, выходит немалое количество книг по фольклору (и текстов и исследований), не говоря уже о функционировании различного рода фольклорных ансамблей. Воистину фольклор в России больше, чем фольклор. Чем объясняется такая исключительная роль фольклора в русской культуре? Разумеется, сколько-нибудь полный ответ на этот вопрос невозможен в рамках небольшой статьи. Попытаемся рассмотреть лишь наиболее очевидные причины.

Особый статус фольклора в России имеет достаточно глубокие корни. Конец XVIII - начало XIX века ознаменовались невиданными изменениями в самоощущении и самосознании европейских народов. Именно в это время под влиянием идей Великой французской революции начинают формироваться такие понятия как «народ», «народность», «нация» и «отечество». Понятие нации должно было объединить разнородные в культурном и социальном отношении слои общества (и прежде всего дворян и крестьян) в единую общность. Несбыточная для многонациональной России мечта о национальном государстве – *отечестве* – занимает все большее место в публичной риторике. Не случайно последовавшие вскоре наполеоновские войны стали называться *отечественными*.

На этом фоне, проникшие в русскую культуру идеи романтизма с их акцентом на национальном своеобразии привели к вполне естественному результату:

воплощением национального своеобразия была признана *народная культура*. Причем под народной культурой понималась не вся культура, а лишь ее часть – культура простонародья. Именно в ней представители другой, «высокой» культуры усмотрели национальную самобытность русских. Это специфическое разделение на «культуру» и «народную культуру» будет существовать в течение XIX и XX веков и доживет до наших дней. История отношений между этими двумя культурами заслуживает специального изучения, но некоторых аспектов мы коснемся.

В диалоге двух культур активной стороной всегда выступала «высокая» культура. Именно с ее подачи «народная культура» приобретала те или иные оценочные характеристики. При этом «высокая» культура после обнаружения рядом с собой угрюмо молчащего собеседника больше уже никогда не чувствовала себя уверенно. Как это ни парадоксально, неуверенность явилась следствием тех идей и настроений, которые были сформированы самой «высокой» культурой. По сути дела диалога двух культур практически не было. Зато были постоянные диалоги в рамках «высокой» культуры по поводу «народной культуры».

Свою несамодостаточность «высокая» культура впервые осознала в период распространения романтических идей. Ее представители чувствовали себя прямыми наследниками той ориентации на европейскую культуру, которая была начата петровскими преобразованиями, направленными, по словам Е.Р. Дашковой, на уничтожение русской самобытности¹. Из подобного рода настроений следовало несколько важных выводов. Прежде всего, дворянская культура не может претендовать на то, чтобы считаться носительницей черт русской самобытности. Точнее, может, но только в той мере, в какой разделяет общие для всего народа обычаи и установления. Своеобразие русской культуры – достояние прошлого. В полной мере черты своеобразия принадлежат свободолобивым предкам. Память о героическом прошлом если и сохранилась, то в древних повестях, народных сказаниях и обычаях. Отсюда и естественный вывод: роль носителя черт национальной самобытности принадлежит «простому народу». В этой ситуации фольклор приобретает высшую ценность,

¹ Екатерина Дашкова. Записки 1743-1810, Л. 1985, с.127. В частности, о Петре I «Если бы он не ставил так высоко иностранцев над русскими, он не уничтожил бы бесценный, самобытный характер наших предков».

поскольку именно с ним ассоциируется сохранение особенностей русской культуры.

Такая оценка народа и его песен в начале XIX в. тем более удивительна, если учесть, что еще совсем недавно, в век Просвещения русская публицистика была наполнена весьма ироническими высказываниями о культуре простонародья и, в частности, о его словесности. Более того, с точки зрения просветителей само понятие культуры не может быть применено к простонародным явлениям. Идеи прогресса и культуры никак не ассоциировались с народными обычаями и песнями. Это относится не только к наиболее видным представителям дворянского просветительства – Татищеву, Державину, Фонвизину, Хераскову, но и к «вышедшему из народа» М.Ломоносову. Пренебрежительное отношение Ломоносова к народной поэзии позже будет названо В.Белинским в «Литературных мечтаниях» исторической ошибкой.

В этом смысле очень показательна эволюция взглядов одного из самых передовых людей своего времени – Н.М.Карамзина. В «Письмах русского путешественника» (1790 г.) древность ассоциируется с темнотой, грубыми нравами и невежеством предков. Проходит немногим более 10 лет, и в заметке с очень показательным названием «О любви к отечеству и народной гордости» (1802 г.) он пишет о том, что русским есть чем гордиться. Это и славное прошлое, и язык, не уступающий французскому своей выразительностью. А в работах более позднего времени позиция Н.М.Карамзина становится еще более определенной. Понятие «народного», в котором сконцентрированы особенности русской культуры, становится для него одним из центральных понятий. И не для него одного. Без преувеличения можно сказать, что возникшее в 20 - 30-е гг. понятие «народности» – некоего качества, которое присуще всему «истинно русскому» станет центральным концептом русской культуры XIX в.

Этот интерес к себе, к своим корням не мог не привести к созданию особого литературного типа – образа простого человека, в котором как бы воплощались все характерные черты всего народа. «Эстетизация простолюдина (а впоследствии и его этическая идеализация) – специфическая особенность России, явившаяся самой, пожалуй, характерной чертой самосознания русского общества на протяжении всего XIX века. В образе «простолюдина» совместились сразу несколько смысловых пластов: «естественный человек»

Руссо, источник живого языка и поэтических первообразов, не искаженный посторонними влияниями эталон национального психотипа, носитель исконных нравственно- религиозных начал, олицетворение труда как основы всей жизни и т.д. Здесь же, в этом ряду надо упомянуть о здоровом, «нравственном» взгляде на вещи, об особой – «народной» мудрости, о народном идеале правды, справедливости и, разумеется, о том, что в целом ряде контекстов «простолюдин» выступает и как конкретное и зримое воплощение православно-христианской «святой бедности». Весь этот сложный смысловой комплекс в романтизме 20-30-х годов представлен еще во внутренне нерасчлененном виде и заключает в себе возможность разной расстановки акцентов и разных тенденций развития»².

Поиски национальной самобытности привели в конечном счете не только к открытию «простого человека», но и к возникновению наук о народной культуре и народной поэзии. Собственно, в те времена они не очень различались, да и говорить о них как о науках можно лишь с большой долей условности. Скорее речь может идти о первых попытках изучения народной культуры вообще и фольклора в частности. Главной задачей фольклористики виделось воссоздание того исконного героического прошлого нации, которое должно стать незыблемой основой ее светлого будущего. Такая задача только внешне имеет признаки научной. Содержательно – это сугубо идеологическая постановка вопроса. Точнее, вопроса в такой постановке как раз и нет. Прошлое может быть только героическим и великим. В народной культуре и в ее наиболее выразительной части – фольклоре сосредоточены лучшие черты русской нации. Эта романтическая установка (разумеется, с некоторыми вариациями) благополучно просуществовала два века и сохранилась до наших дней.

Для реализации этой установки фольклор подходил как нельзя лучше. Устное бытование текстов не предполагает наличия фиксированных письменных текстов, проверить подлинность которых значительно легче. Записи фольклора невозможно контролировать, следовательно их можно править. При известных навыках фольклорные тексты можно создавать. Эта необыкновенная «податливость» фольклора сыграет решающую роль в истории его

² Т.В. Кузнецова. Россия в мировом культурно-историческом контексте: парадигма народности. М., 1999, с. гл. III

конструирования, главными приемами которого станут редактирование и фальсификации. История русского фольклора – это история его приспособления к «великим» задачам.

Основная интрига заключалась в том, что фольклор никогда полностью не устраивал тех, кто занимался реализацией глобальной установки. Реальный (аутентичный) фольклор вообще очень плохо приспособлен и для демонстрации великого прошлого, и для реконструкций на «заданную тему». Это выяснилось довольно быстро. Уже первые публикации образцов народной словесности выявили весьма значительные расхождения между тем, каким представлялся «простой человек» и его словесность в романтизированных образцах, и каким он был в фольклорных текстах.

В этом отношении очень показательна история с хорошо известным любому фольклористу «Сборником Кирши Данилова», вышедшем в 1804 г. под названием «Древние русские стихотворения». Прошло всего несколько лет с появления первого издания «Слова о полку Игореве» (1800 г.) и, естественно, новое собрание, теперь уже собственно народных произведений, было встречено с особым энтузиазмом. Россия обретала свою историю, свой, по выражению Н.Карамзина, «дух народный». Рукопись сборника, оказавшаяся в руках скромного литератора и чиновника А.Ф.Якубовича, содержала более семидесяти текстов различных жанров (былин, исторических песен, скоморошин). А.Ф.Якубович подготовил и издал двадцать шесть. Эта выборка включала только те тексты, которые с точки зрения издателя соответствовали своему высокому предназначению. «Дух народный» нуждался в коррекции. По имеющимся сведениям, А.Ф.Якубович после выхода «Древних русских стихотворений» приступил к подготовке некоторых не вошедших в первое издание текстов, но по неизвестным причинам, замысел не был реализован. Более полное издание появилось лишь в 1818 году заботами графа Н.П.Румянцева, который приобрел рукопись в 1816 г. и поручил подготовить ее к печати К.Ф.Калайдовичу, который вполне профессионально занимался палеографией и был способен оценить исключительное значение этого памятника. Это издание вышло под названием «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». В него вошло большее количество текстов – 61. По поводу не вошедших в издание текстов

К.Калайдович поясняет: «Данилов писал более для людей необразованных, потому у него много фарсов; пел не для бессмертия, а для удовольствия своих слишком веселых слушателей – посему-то он пренебрегал умеренностью и правилами благопристойности. Места в нашем издании, означенные точками, показывают, что тут певец наш, пресыщенный дарами Бахуса и мечтаниями о сладострастных вакханках, терял совершенно уважение к стыдливости... Он даже целые семь песен пустил по тому пути, на коем впоследствии прославился Барков» («Древние российские стихотворения...», с. XXVIII-XXIX). Нельзя не согласиться с тем, что у «певца» и издателя совершенно разные задачи. Первый «пел не для бессмертия, а для удовольствия своих слишком веселых слушателей». Он явно не подозревал, что его песни будут расцениваться в контексте размышлений о высоте народного духа. Второй (издатель) озабочен легкомысленностью певца, его несерьезным отношением к своему высокому предназначению.

При таком расхождении в помыслах и задачах издатель считает себя вправе решать, что увидит свет, а что – нет. Мотивировкой служит забота об общественной нравственности. В подготовленном для Н.П.Румянцева оглавлении, напротив песен, не вошедших во второе издание, значится «непристойная». По этой части «высокая» культура всегда чувствует себя в позиции наставника. Нужно сказать, что забота о нравственности будет очень существенным фактором и не только в издательских установках, но и в полевой работе советских фольклористов.³

Итак, очищенные от непристойностей издания выходят в свет. Реакция была далеко не единообразной. О том, что «Сборник» оба раза вышел в урезанном виде, никто как бы не замечает. Соображения нравственности вне обсуждений.

³ «Когда мне пришлось участвовать в Закарпатских фольклорных экспедициях Института этнографии АН СССР, то нас специально предупреждали во время инструктажа, чтобы мы, упаси Бог, не записали ненароком «похабщины», как выразился проводивший инструктаж С.П.Толстов». Пушкарев Л.Н. Ранние русские пословицы и поговорки эротического содержания // Л.Н. Пушкарева (ред.). «А се грехи злые, смертные...»: любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X- первая половина XIX века). М., 1999, с. 631.

Обсуждается другое: как следует воспринимать «Древние русские стихотворения»? Как великий памятник русской старины, сопоставимый со «Словом о полку Игореве» или как позднейшее искажение древних русских повестей? Раздавались голоса и за первое и за второе. Причем критических отзывов было не меньше, чем хвалебных, и обидных высказываний для сторонников восторженной оценки было сделано немало. Прежде всего, была поставлена под сомнение древность «Древних русских стихотворений» (Н.Грамматин, Цертелев и др.). Это сомнение было серьезным, тем более что никаких аргументов в пользу древности сюжетов сборника не было приведено. Между тем, именно древность могла служить оправданием всех реальных и мнимых недостатков сборника, к числу которых относили отсутствие художественной ценности, языковые нелепости и другие. Позже чашу весов в пользу признания «Сборника» выдающимся памятником фольклора пытался склонить В.Белинский, который в известных четырех статьях о русской народной поэзии основывался прежде всего на материалах «Сборника». Его аргументы станут общим местом в оценке «Сборника» советскими фольклористами.

Из позднейших изданий «Сборника» образцовым можно считать научное издание, выполненное П.Н.Шеффером в 1901 г. по поручению Императорской публичной библиотеки. Лучшим изданием советского времени является, пожалуй, издание, подготовленное А.П.Евгеньевой и Б.Н.Путиловым. Оно, по-своему, очень показательное. В нем текст «Сборника» приводится дважды. Первый раз – для широкого читателя, с разбитием на строчки, с облегченной графикой. Второй – для специалистов – «точное воспроизведение рукописи». Точность оказалась условной. Неприличные слова были заменены точками. Даже специалистам было отказано в полноте представления рукописи. Если сравнить первые и вторые варианты, то окажется, что «широкому читателю» предложен значительно измененный по сравнению с рукописным вариант. Вот как объясняется в Предисловии это расхождение: «Точное воспроизведение рукописи, очень важное само по себе, не может дать читателю представления о текстах Сборника как произведениях народной поэзии, как о песнях. Для этого необходимо, во-первых, разделение текстов на стихотворные строки и, во-вторых, освобождение их от тех особенностей рукописи, которые затрудняют понимание этих текстов и восприятие их художественной природы»

Но с каких это пор неприличные слова затрудняют понимание текста для русского человека? Что же касается «художественной природы», то она вряд ли может быть создана искусственно, редакторскими усилиями.

В европейских странах закат романтизма привел к постепенному снижению интереса к национальным формам фольклора. Разумеется, в кризисных ситуациях (войны, переделы границ) каждая национальная традиция в очередной раз обращалась к своему фольклорному наследию в целях упрочения национального единства. Но основной фокус внимания переместился на изучение быта первобытных народов, т.е. приобрел выраженный этнографический характер. В России этого не произошло. Русский фольклор по-прежнему находился в центре борьбы различных политических сил.

Изменились акценты. Романтические поиски героического прошлого сменились идеализацией патриархального быта. При этом идеологическая роль фольклора только усилилась.

Понятие «народности» в середине 30-х гг. приобрело новое качество, когда вместе с «самодержавием» и «православием» оно стало официальным принципом государственной власти (формула графа Уварова). Отныне все посягательства на сам дух «народности» приравнивались к антигосударственным поступкам. Интересно, что и позже официальный статус понятия «народности» отнюдь не отвратил от него тех, кто причислял себя к либеральной интеллигенции. Широко известны слова Белинского:

«Народность» есть альфа и омега эстетики нашего времени... «Народность» заменило собой и творчество, и вдохновение, и художественность, и классицизм, и романтизм, заключило в себе и эстетику, и критику. Короче: «народность» сделалась высшим критерием, пробным камнем достоинства всякого поэтического произведения и прочности всякой поэтической славы»⁴.

В истории русской общественной мысли, пожалуй, не сыскать второй такой идеи, которая была бы столь мила почти всему спектру политических сил – от властей до оппозиции. Вот только сам народ практически не принимал участия в этой большой политической игре. Но немногочисленные выходцы из народа –

⁴ В.Г.Белинский. Избранные сочинения. М.-Л., 1949, с. 286

так называемые крестьянские поэты (Федор Слепушкин, Михаил Суханов, Егор Алипанов) были обласканы со всех сторон. Фольклористы тоже не были обделены вниманием. Каждая новая публикация фольклорных текстов встречалась с неподдельным интересом.

Этот интерес в полной мере относится и к следующему крупному собранию фольклорных текстов, которое появилось трудами И.П.Сахарова, ревностного сторонника идеи официальной народности. Как известно, Сахаров был выходцем из мещанских кругов, представители которых уже в силу своей социальной принадлежности иногда называются демократическими. Ненависть ко всему иноземному подпитывала его увлеченность в деле собирания и публикации памятников народной поэзии. Он не был профессиональным филологом, но был, безусловно, знатоком древних рукописей, читал лекции по палеографии, занимался археологией, иконописью и нумизматикой.

В 1836 г. Сахаров начинает публиковать огромное собрание русских песен, сказок, былин, заговоров, обрядов под общим заглавием «Сказания русского народа». Выпуски выходили один за другим вплоть до 1849 г. «Сказания» вызвали огромный интерес у просвещенной аудитории. Достаточно сказать, что на следующий год после выхода первого выпуска пришлось срочно готовить его второе издание. Публикатором «Сказаний» заинтересовался Пушкин. Такой авторитетный лингвист как И.И.Срезневский был поражен обилием новых текстов. Самими текстами был очарован все тот же Белинский (собственно, поводом для написания упоминавшихся четырех статей о народной поэзии послужили именно «Сказания»).

Но уже в 1854 г. Аполлон Григорьев усомнился в аутентичности текстов «Сказаний» Дальнейшие исследования, проведенные П.Бессоновым, А.Потебней и особенно Н.Пыпиным показали, что Сахаров не только «исправлял» тексты в соответствии со своими представлениями о том, какими они должны быть, но и выдавал за народные свои подделки. Сахарову пришлось придумать историю о том, что в его распоряжении оказалась неизвестная доселе рукопись, принадлежавшая купцу Бельскому, откуда он опубликовал тексты былин. Однако оказалось, что былины он частично «позаимствовал» из «Сборника Кириши Данилова», а частично сочинил сам. Возникает вопрос: если учесть, что большинство текстов были все-таки подлинными, то зачем понадобились подделки? Вероятно затем, что аутентичные тексты не вполне

соответствовали взглядам Сахарова. Соблазн «подправить» народную память оказался слишком велик. Не может не вызвать удивление и то обстоятельство, что несмотря на то, что «Сказания» являются широко известным примером фальсификации, их продолжают переиздавать и отнюдь не в назидание потомкам. Видимо, нужда в подобного рода памятниках сохраняется и в наше время.

И все-таки явные фальсификации текстов русского фольклора – явления если и не исключительные, то достаточно редкие. Гораздо чаще приходится иметь дело с редакторским творчеством собирателей и публикаторов. Речь идет не об исправлениях технического характера, а о гораздо более серьезных изменениях текстов. Показательный пример – деятельность П.В.Киреевского.

Архив Киреевского возник в начале 1830-х гг. и был изначально коллективным: свой вклад в виде записей фольклорных текстов внесли А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь, братья Языковы, В.И.Даль, М.П.Погодин, С.П.Шевырев и многие другие. Сам Киреевский был одним из наиболее образованных людей своего времени: учился в Германии, затем был членом кружка Любомудров и, наконец, стал одним из основателей славянофильства. Рецепты для будущего России он искал в ее прошлом и считал народную песню вершиной человеческого творчества.

Организационными усилиями Киреевского и пожертвованиями многих любителей русского фольклора в течение нескольких десятков лет было сформировано грандиозное собрание текстов. При жизни Киреевского из его архива было опубликовано немного (подборка духовных стихов). После его смерти были изданы былины и исторические песни под редакцией П.А.Бессонова (они выходили с 1860 по 1874 г.) и лирические песни под редакцией В.Ф.Миллера и М.Н.Сперанского (с 1911 по 1929 г.). Но речь идет не об этих изданиях (хотя публикация П.А.Бессонова считается одним из вопиющих примеров редакторского произвола), а о работе самого П.Киреевского над полученными рукописями. Его методы не были тривиальными. Они вполне органично вытекали из его концепции порчи фольклора с течением времени и по мере его приближения к городской культуре. Отсюда следовала вполне естественная с точки зрения Киреевского задача восстановления «исходного» текста.

Эту задачу Киреевский решал не только теоретически, но и практически: из множества близких текстов он конструировал один, с его точки зрения, «настоящий» текст. Техника создания «настоящего» текста выглядела примерно следующим образом. Из имеющихся вариантов одной и той же песни Киреевский брал за основу тот, который казался ему самым древним. Затем, из имеющегося «материала» (т.е. остальных вариантов) он составлял «полный текст», заменяя непонравившиеся ему строчки другими, вводя отсутствующие в основном тексте мотивы и образы. Причем Киреевский нисколько не скрывал своих упражнений над текстами. Напротив, он тщательно документировал свою работу: отмечал, какой вариант им принят за основу, из каких вариантов он компилирует свой текст, где они были записаны и т.д. Это удивительное сочетание точности и произвола выделяет Киреевского из всей череды «редакторов». Судя по всему, Киреевский был убежден, что только такие «реконструированные» тексты можно считать истинно древними и народными, т.к. они освобождены от искажений, нанесенных временем и влиянием городской культуры.

«Очищение» фольклора велось по сути дела всеми участниками этого процесса появления на свет фольклорного текста. Носители выбирали из своего репертуара тексты поприличнее; собиратели, даже если и записывали «неправильные» тексты, хранили их отдельно, «для личного употребления»; издатели руководствовались своими вкусами и установками. У всех участников, как правило, безотказно работала «внутренняя цензура». В тех случаях, когда сквозь нее прорывалось что-то недозволенное, вмешивалась внешняя цензура, что грозило большими неприятностями.

Как с внешней, так и с внутренней цензурой очень хорошо был знаком В.Даль. В 1832 вышли и вскоре были запрещены его «Сказки». Полное название этой небольшой книжки «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый». В этом витиеватом названии весьма точно выражено стремление собирателя «переложить» и «разукрасить» народные сказки, но запрещены они были, разумеется, не за это, а за то, что власти (по доносу Ф.Булгарина) узрели в них насмешки над правительством. В 40-х гг. были запрещены его рассказ «Находчивое поколение», роман «Вакх Сидоров Чайкин», рассказ «Ворожейка».

С большими сложностями выходили «Пословицы русского народа». Рецензентами стали члены отделения русского языка и словесности Академии наук, которые, по словам В. Даля «нашли, что сборник этот и небезопасен, посягая на развращение нравов» (цит. по А.Н.Пыпин. История русской этнографии, т.1. СПб., 1890, с. 352). Между тем, для предотвращения «развращения нравов» В. Даль сам проделал необходимую работу, исключив из сборника не только пословицы obscene содержания, но и все мало-мальски сомнительные с точки зрения отношения народа к властям. Что касается неприличных пословиц, то, разумеется, он и не помышлял о том, чтобы их напечатать. Собрание этих пословиц (не в полном объеме) увидело свет лишь в 1972 г. в Париже.

Похожая история происходила с публикациями А.Н.Афанасьева. Неподцензурные сказки были изданы анонимно в Женеве в начале 60-х гг. Основной корпус «Народных русских сказок» выходил без каких-либо препятствий со стороны официальной цензуры. В ее роли выступили критики. Их замечания относились прежде всего к стилистической разнородности сказок, к их краткости или незавершенности. Известно, что сам Афанасьев сказок практически не собирал (ему принадлежат лишь 10 записей). Его собрание составилось из записей других собирателей (сказки, хранившиеся в архиве Русского географического общества, записи В. Даля, П. Якушкина и др.) Часть сказок прошли литературную обработку, другие несли следы говоров тех местностей, где они были записаны. Между тем, критика требовала единообразия, своего рода «усредненной народности». Афанасьев сопротивлялся недолго. Начиная с четвертого выпуска (всего их вышло восемь) он редактирует тексты, соединяет варианты, перестает указывать места записи. Требуемый критикой вариант «народности» был получен.

В случае с публикацией сборника «Народные русские легенды» Афанасьеву пришлось столкнуться с церковными запретами. В сборник вошли 33 текста разного содержания и происхождения (из древних рукописных сборников, из собраний В.И. Даля, П.И. Якушкина и др.). Эти тексты ярко отражали тот мировоззренческий симбиоз, который позже получит название двоеверия, а еще позже - «народного православия». Сборник вышел в 1859 г. и в том же году был запрещен церковной цензурой, которая охарактеризовала тексты как

кошунственные. Второе издание вышло лишь спустя полвека в 1913 г. под редакцией С.К.Шамбинаго.

Еще в начале XIX века под влиянием романтических идей складывается своего рода ценностная иерархия фольклорных жанров. Вершиной народной поэзии считался героический эпос, представленный в русской традиции былинами. Славянофильские настроения не изменили общей картины. Древность и героизм оставались главными критериями оценки фольклорного текста. Особое отношение к былинам подчеркивалось и тем обстоятельством, что вплоть до 60-х гг. они были известны лишь по «Сборнику Кирши Данилова». Считалось, что если их следы и можно еще обнаружить, то где-нибудь в глуши, в Сибири, и когда, по словам А.Н.Пыпина, «целый огромный запас их был найден в недалеком соседстве Петербурга, то первым впечатлением ученого мира было изумление, а потом недоумение и даже недоверие»⁵. Речь идет о появлении «Песен, собранных П.Н.Рыбниковым». Такая реакция на рыбниковское собрание была вполне естественной, тем более со стороны таких исследователей, как И.И.Срезневский, который однажды уже обжегся на текстах Сахарова. По его просьбе Д.В.Поленов и В.И. Модестов провели, как мы бы сказали, экспертизу записей П.Н.Рыбникова и подтвердили их подлинность и точность. П.Н.Рыбников нашел то, что искал: не следы угасшего эпоса, а живую эпическую традицию, и не где-нибудь в таежной глуши, а сравнительно недалеко от северной столицы. Он первым обратил внимание на особенности текстов, записанных от разных сказителей, и с тех пор это внимание к личности рассказчика будет считаться отличительной чертой русской фольклористики.

Повторяю, Рыбникова интересовали почти исключительно былины. Вообще, для русской фольклористики очень характерна своего рода избирательность, которая определяется, как правило, общим идеологическим контекстом и официальными установками. При подчеркнутом, можно сказать гипертрофированном внимании к фольклору, он никогда не был «интересен» в полном объеме. Известно, что всегда существовало настороженное отношение к заговорам, духовным стихам (до революции эти жанры находились под

⁵ А.Н. Пыпин, История русской этнографии. Т. 1. СПб., 1890, с. 63.

контролем церкви, после революции – под контролем советской цензуры). В то же время некоторым жанрам придавалось особое значение. В этом смысле очень показательным отношением к такому, казалось бы маргинальному и специфическому жанру, как причитания.

Записи причитаний появились в составе «Песен, собранных Рыбниковым», однако для самого Рыбникова они являлись своего рода приложением к былинам. Во всяком случае, когда Е.В.Барсов обратился к нему с вопросом о целесообразности записи причитаний, Рыбников пытался внушить ему, что «бытовая поэзия не так важна, как богатырский эпос» (Е.В.Барсов О записях и изданиях «Причитаний Северного края», с.130). Барсов все же издал свои записи причитаний и, как потом выяснится, положил начало длительной традиции публикации и изучения причитаний. Причитания оказались почти единственным «старым» жанром, который активно функционировал и в годы советской власти. Более того, как я попытаюсь показать ниже, причитания стали «официальным» жанром советского фольклора.

В публикациях конца XIX – начала XX в. отразилась незыблемость принципа иерархичности жанров и, соответственно, избирательного к ним подхода со стороны фольклористов. Основные усилия были направлены на публикацию записей былин и сказок (сборники были Н.С.Тихомирова и В.Ф.Миллера, С.И.Гуляева, Н.Е.Ончукова, А.В.Маркова, А.Д.Григорьева, Б. и Ю. Соколова; сборники сказок Н.Е.Ончукова, Д.К.Зеленина и др.). Вместе с тем, становилось очевидным, что эти жанры (и особенно былины, исторические песни) находятся на грани умирания. Им на смену приходят новые жанры: частушка, городской романс, анекдот, бытовой рассказ. Не случайно, например, начиная с 1890-х гг. лавинообразно растет число публикаций текстов нового жанра – частушек. В 1913-1914 гг. появились и первые сборники частушек (В.И.Симакова и Е.Н.Елеонской).

У новой власти отношения с культурой складывались непросто. Идеологема народности станет стержнем советской культуры, но это произойдет не сразу. В первые десятилетия нового режима само понятие «народ» было неактуальным. Актуальными были отдельные категории общества: *классы, социальные слои, прослойки*. Все аспекты общественной жизни должны были получить классовую трактовку. По справедливому замечанию Т.Кузнецовой «Категории «народ», «народный», «народность» для вульгарной социологии

лишены реального содержания и представляют собой идеологические фикции, маскирующие действительную социальную позицию»⁶. Поскольку народная культура отождествлялась с крестьянской, на нее было перенесено крайне негативное отношение к этому социальному слою. С точки зрения идеологов революции, представлявших интересы «победившего пролетариата», крестьянство являлось воплощением застойных тенденций и кулацких настроений. Кроме того, народность ассоциировалась с национальным своеобразием, а это никак не вписывалось в лозунги интернационализма.

Фольклор тоже подлежал переоценке с классовых позиций, и ничего хорошего ему с этих позиций не сулило. Положительно могли быть оценены только те сюжеты, в которых присутствовали мотивы борьбы с угнетателями, а их оказалось не так уж много. Категория прошлого, древнего, не только потеряла прежнюю ценность, но и приобрела значение устаревшего, отвергнутого революцией. Традиционный фольклор в 1920-е гг. был объявлен отживающей формой искусства. Пожалуй, это время было единственным периодом, когда фольклору не придавалось особого значения.

Новому режиму требовался другой фольклор, героем которого является представитель самого передового класса – пролетариата. Однако, с пролетарским фольклором дело обстояло совсем плохо. Ю.М.Соколов в учебнике «Русский фольклор», вышедшем в 1941 г. пишет: «факты, приводимые в первых опытах исследования на эту тему [на тему рабочего фольклора – А.Б.] поражают своей скудостью и фрагментарностью»⁷. Кроме того, непонятно было, что следует считать рабочим фольклором: те тексты, которые входили в актуальный репертуар рабочих фабрик и заводов, или те, которые родились в рабочей среде. В первом случае к рабочему фольклору нужно было отнести практически весь городской фольклор полублатного характера плюс значительный пласт «деревенских» песен (т.к. многие рабочие были выходцами из деревни). Во втором случае текстов получалось слишком мало. Правда, выручали районы, где издавна существовали рудники, заводы и фабрики (горнозаводской Урал, Донбасс, тульские заводы и ивановские

⁶ Т.В.Кузнецова. Указ. соч. гл.5, с. 4.

⁷ Ю.М.Соколов. Русский фольклор. М., 1941, с.431.

фабрики), однако их фольклор имел свою, местную специфику, которая мешала его распространению за пределы этой местности.

Упорные поиски новой памяти продолжались и в 30-е гг. Они принесли определенные результаты⁸, но к этому времени стало понятно, что идея полного отказа от прошлого оказалась неконструктивной. К тому же, в это время был взят курс на строительство социализма в отдельно взятой стране и, соответственно, лозунги интернационализма отошли на второй план. Этой «отдельно взятой стране» нужна была прочная опора для создания новой идентичности, которую не мог дать конструируемый миф о пролетариате. Власть почувствовала необходимость возвращения к некоторым прежним концепциям, но в новой марксистско-ленинской упаковке.

В середине 30-х гг. были осуждены перегибы в классовом подходе к истории. Для построения новой, советской идентичности понятие *народ* подходило как нельзя лучше. Во-первых, оно снимало антагонизм между рабочим классом и крестьянством. Во-вторых, оно имело как бы два смысловых регистра: под *народом* можно было понимать рабоче-крестьянские массы, а в необходимых случаях *народному* придавать значение *национального*. Такая двойная подстановка с возможностью переключения регистров позволяла успешно манипулировать понятием *народ* в удобном значении. Еще больший выигрыш давало совмещение двух значений. В таком случае народ («трудящиеся массы») оказывался основой нации, ее сущностью, а все остальные социальные образования – паразитирующими на этом фундаменте.

Постепенный отход от непримиримых классовых позиций сопровождался усилением значения нерасчлененного *народного*, а вместе с ним и традиционного фольклора. Народность, как и во времена Белинского и Чернышевского стала критерием художественной правды. Перерыв в истории начал заполняться и это позволяло говорить о преемственности традиции (от революционных демократов к коммунистам) хотя бы в плане оценки исторического прошлого.

В восстановлении связей с прошлым фольклору снова стало придаваться особое значение. Но это прошлое приобрело двойную ретроспективу: прошлое, простиравшееся в дореволюционные времена (давнопрошедшее) и

⁸ См. обзор опубликованных в это время сборников и статей о фольклоре фабрично-заводских рабочих в кн. Ю.М Соколов. Указ. соч., с. 431-432.

послереволюционное, актуальное прошлое. Фольклор имел отношение к обоим видам прошлого, но их удельный вес был несоизмерим. Фольклорный репертуар актуального прошлого состоял в основном из переделок старого репертуара (например, солдатских песен), авторских песен революционного содержания и бесчисленных вариантов таких текстов, как «Кирпичики». Естественно, что в этой ситуации, как писал Ю.М.Соколов «...возникает вопрос, каким образом направить составление новых песен в русло использования богатейшего художественного наследия, оставленного нам многими веками народного песенного творчества»⁹.

Ответ был найден. Его назвали «экспериментом», «помощью литераторов» «творческим сотрудничеством» и другими стыдливými эвфемизмами. Речь шла о том, что если носители фольклорной традиции не создают песен о счастливой советской жизни, то им нужно помочь. Любопытно, что, по всей видимости, никаких приказов «сверху» не спускалось. Фольклористы сами «почувствовали необходимость» такой работы и проявили инициативу. К наиболее одаренным сказителям пришли на помощь профессионалы. С Марфой Крюковой работала А.Я.Колотилова, а затем В.Попов и Морозовы; с П.Рябининым-Андреевым – М.И.Кострова, с М.Голубковой – Н.П.Леонтьев и т.д. Разумеется, далеко не все фольклористы приветствовали этот «эксперимент». Представители старой школы возражали против вмешательства в фольклорный процесс со стороны, говорили о неестественности изображения реалий новой жизни в формах архаичных жанров (былины, сказки, причеты). Впрочем, не все. На первом совещании писателей и фольклористов в 1933 г. Ю.М.Соколов призывал покончить с индифферентным отношением к фольклору, положить предел стихийности и активно вмешаться в фольклорный процесс. «Это активное вмешательство и руководство устным поэтическим творчеством могут быть достигнуты мобилизацией всех современных средств идеологического воздействия»¹⁰

О том, каким образом фольклористы помогали создавать советский фольклор, написано уже немало, поэтому ограничусь лишь схематическим изложением. Прежде всего сказителю предлагалась тема (или несколько тем на выбор). Затем выбранная тема подробно обсуждалась и проговаривалась. При необходимости,

⁹ Там же, с. 472

¹⁰ Первое совещание писателей и фольклористов // Сов. этнография, 1934, № 1-2, с. 204

сотрудник читал газеты и книги (например, о Чапаеве), чтобы настроить сказителя на соответствующий лад. После чего начиналась работа над текстом. Тот же Н.П.Леонтьев о своей работе с М.Голубковой говорил: «...она приходила ко мне сама, по собственному почину, садилась, я брал бумагу и карандаш, и она начинала. Я записывал и нередко, будучи недоволен записанным (это возмутит сердца истых фольклористов), говорил ей: «Не годится». Тут больше дело интуиции, скорее подсознательного, чем сознательного, но все объяснить можно. Если резко сформулировать – в наших взаимоотношениях основным вожаком был мой вкус. Я записывал отдельные мысли, отдельные эпизоды, отдельные куски, но иногда целые отрывки отбрасывал бесповоротно, потому что видел, что неверно взятое направление могло завести ее в тупик. Общий замысел вещи, над которым мы работали, обсуждался нами совместно, и она знала, что намечено, но в ходе работы, увлекаясь отдельными мыслями, она забрела бы в такие трущобы, откуда бы ей не выбраться. Чтобы избежать этого, я направлял ее по пути первоначального замысла»¹¹. С грамотными сказителями работа строилась иначе. Они приносили стихи, а литературный работник их правил. Так работали М.И.Кострова с П.И.Рябининым-Андреевым, В.А.Попов с М.С.Крюковой и др. Следует отметить, что инициатива фольклористов и литературных работников находила встречный отклик у самих сказителей. Т.Г.Иванова справедливо пишет о том, что «Сказители, без сомнения, не только охотно шли навстречу пожеланиям собирателей, но часто сами становились инициаторами создания подобных произведений»¹². Результатом совместного творчества собирателей и сказителей стали новины, плачи, сказы о советской жизни.

Значительное распространение в 30-40-е гг. получили плачи о советских вождях. Этот жанр, пожалуй, больше, чем любой другой сохранил связь с традицией. Полному расцвету советских плачей мешало несколько обстоятельств. Во-первых, они могли посвящаться только первым лицам государства или героям Советского Союза. Во-вторых, этот жанр по своей природе предполагает спонтанную реакцию на свершившееся событие, а первые плачи по Ленину, умершему в 1924 г. стали появляться лишь в 1937 г. Но затем

¹¹ Там же, с. 75.

¹² Т.Г.Иванова, О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было. М., 2002, с. 412.

этот временной разрыв стал сокращаться. Плач по убитому в 1934 г. Кирову был создан в 1938 г., плач по умершему в 1936 г. Горькому появился в 1939 г. Но, например, плач по Крупской появился уже через месяц¹³. Дело шло на лад. В советских плачах акцент делался не столько на эмоциональной стороне, сколько на повествовательности. В них подробно излагается героическая биография оплакиваемого персонажа, перечисляются его заслуги, вводятся новые мотивы злодеев-погубителей. Не случайно они получили название плачей-сказов.

В новинах в качестве главных героев выступают вожди и герои революции, гражданской войны и социалистического строительства. Сюжет обычно близок традиционному былинному сюжету, но вместо князя Владимира изображается Ленин или Сталин, которые отправляют своих богатырей (например, Чапаева, Ворошилова, Буденного) в чисто поле на схватку с врагом. Богатыри седлают своих коней, выезжают в указанное место и, естественно, одолевают врагов. По возвращении с победой Ленин (Сталин) устраивает пир в их честь.

Из других «новых-старых» жанров следует назвать советские сказки. По сравнению с новинами и плачами этот жанр можно назвать демократичным. Герои сказок не обязательно вожди. В их роли выступали такие персонажи, как Чапаев, Папанин с товарищами, Чкалов с друзьями-летчиками. Это давало возможность сказителям, направляемым собирателями, чувствовать себя более свободно в построении сюжета, использовании традиционных сказочных мотивов и образов.

«Эксперимент» длился до смерти Сталина. По этим текстам очень хорошо видно, чего власть хотела от фольклора. Народ должен был прославлять прежде всего саму власть и ее успехи. Очень быстро сформировались новые каноны не только того, что (или кого) следовало прославлять, но и как это следовало делать. Однако сочетание архаичных приемов изложения с актуальной политической реальностью давало скорее комический, пародийный эффект. Не случайно такое сочетание позже будет использоваться в различного рода капустниках и подобных мероприятиях. Примерно то же самое можно сказать и о других жанрах советского фольклора: частушках, пословицах, поговорках.

¹³ См. подробнее: Т.Г.Иванова. Там же, с. 413-414.

Впрочем, в сталинский период комический эффект не замечался – уж слишком серьезным был контекст создания и использования этих текстов.

После смерти Сталина началась еще более широкая реабилитация народности. Велась она сразу по нескольким направлениям. Партийная идеология народности создавалась и функционировала как противоположность формализму и другим «извращениям линии партии» и вместе с тем, «идея народности позволяла, не выпуская наружу опасного джина прямого национализма, нанести идеологический удар по «космополитизму»¹⁴. В таких научных дисциплинах как фольклористика, история литературы и искусства, в художественной критике народность становится фундаментальным понятием и основным критерием оценки художественного текста. Возникает и идущий снизу (точнее, из кругов творческой интеллигенции) «народный реализм», направленный на изображение непреукрашенной действительности в кинематографе, художественной литературе, живописи. Он-то и приведет к тому явлению, которое получит название «народного ренессанса» 60-70-х гг., когда модной становится проза Ф.Абрамова, В.Астафьева, В.Белова, а квартиры интеллигенции заполняются прялками и иконами.

Мода на народность среди интеллигенции никак не распространялась на такое специфическое явление как художественная самодеятельность, которая расцвела в эти же годы. Интеллигент не мыслил себя участником и даже зрителем художественной самодеятельности. Этот извод народности был предназначен главным образом для трудящихся масс и их смены – подрастающей молодежи. Различного рода фольклорные ансамбли существовали в каждом рабочем и колхозном клубе, в школах и институтах. Исполнявшиеся ими произведения вряд ли можно называть фольклорными. Это скорее стилизация под фольклор, та разновидность псевдофольклорного китча, который представлен матрешками и подобными произведениями. Однако именно о таком фольклоре говорили тогда, когда речь заходила о национальных особенностях и не только русских, но и любого другого народа Советского Союза. Можно сказать, что проблема национального почти полностью переместилась в область фольклора и художественной

¹⁴Т.В. Кузнецова. Указ. соч., гл. V, с.9.

самодетельности. Такой вариант народности полностью устраивал властные структуры прежде всего потому, что легко контролировался. Не случайно власти всячески поощряли «развитие» художественной самодетельности. Причем делалось это без особого принуждения: в условиях, когда культурная жизнь была почти полностью сведена к художественной самодетельности, для многих ее участников она была единственной формой приобщения к культуре.

Не следует забывать и о сравнительно высоком статусе собственно научной фольклористики. Фольклористы не только помогали властям создавать новую идентичность, но и достигли существенных успехов в анализе и интерпретации фольклорных текстов. Когда в 60-е гг. в Советский Союз стали проникать идеи структурализма, оказалось, что в этом направлении уже многое сделано в работах таких фольклористов, как В.Я.Пропп, П.Г.Богатырев, Р.О.Якобсон и их последователей. Вообще нужно сказать, что фольклорные тексты явились благодатным материалом для структурного анализа в силу таких качеств, как относительная простота построения, стабильность воспроизведения и под. Советская фольклористика (в ее структурно-семиотическом изводе) оказалась на передовых позициях в международном научном мире и это обстоятельство, безусловно, сыграло свою роль в отношении к фольклору в советских академических и университетских кругах. Практически до конца существования советского государства фольклористика занимала почетное место среди дисциплин социального круга.

На последнем этапе советской действительности фольклор сыграл еще не вполне оцененную роль одного из главных могильщиков режима. Расцвет советского анекдота совпал с началом кризиса социалистической идеи. Разумеется, нельзя сказать, что анекдоты расшатывали основы советского строя, но они создавали в обществе тот настрой, в котором формировалось вполне определенное отношение не только к властям, но и к самой идеологии социализма. Не случайно рассказывание анекдотов квалифицировалось как уголовно наказуемое деяние. При этом именно фольклорность этого феномена обеспечивала его немислимую проницаемость во все поры общественного тела. Можно сказать, что «напоследок» фольклор продемонстрировал свою истинную силу.

Как видим, у фольклора в России непростая судьба. С начала XIX века и до эпохи перестройки ему придавалось особое значение, определявшееся не столько его реальными достоинствами, сколько той ролью, которая ему приписывалась в идеологических построениях. Разумеется, в разное время фольклор использовался с разными целями, но при всем различии вариантов можно говорить и об общем. Для любой власти фольклор был идеальным символом национального единства, той «народной» памятью, которая должна соединять славное прошлое с еще более славным настоящим. Именно по этой причине, как мы видели, во все времена требовался не тот фольклор, что реально бытовал. Для того чтобы он соответствовал высокому предназначению, его правили, редактировали, а иногда и просто фальсифицировали. По сути дела всегда требовался не столько сам фольклор, сколько стилизация под фольклор.